

да склонность итальянских и польских католиков в случае каких-либо затруднений прибегать к помощи лидеров своей общины, протестанты же в аналогичной ситуации скорее всего будут искать решение проблемы, участвуя в деятельности какой-либо организации, группы активистов или в избирательной кампании кандидата, программа которого отражает их интересы. Можно говорить и о существовании субкультуры негритянской общины с ее системой лидерства, видением политики, представлениями о способах решения политических проблем.

С понятием политической культуры соотносится понятие стиля политической жизни, которое, по мнению С. Вербы, охватывает не столько существо политических взглядов, сколько способы их претворения в конкретную политику, то есть относится к сфере политической практики. Стиль политической жизни, как правило, резко меняется с приходом на политическую арену нового лидера. Наиболее яркий пример подобного рода в послевоенной истории Америки связан с именем Дж. Кеннеди. Избрание его на пост президента связывалось у американцев не только с представлением о новой динамичной внутренней и внешней политике, но и с тем, что в глазах наиболее способных и энергичных молодых людей, традиционно связывавших свои надежды на карьеру с бизнесом, занятие политикой стало более престижным делом. Убийство президента потрясло страну, продемонстрировав царящие в политическом мире нравы. Смена команды влияет не только на внешние атрибуты политической жизни, но и нередко вносит заметные изменения в деятельность отдельных институтов.

Так, после Уотергейта в результате выборов 1974 г. значительно обновился состав конгресса. Среди 103 вновь избранных конгрессменов были также, ставшие широко известными в общенациональном масштабе страны, политики, как сенаторы Дж. Гленн и Г. Харт, члены палаты представителей Дж. Саймон и П. Тсонгес. Энергичные, высокообразованные люди, многие из которых занялись политикой в годы президентства Дж. Кеннеди, привыкшие полагаться больше на связи с прессой, чем на поддержку партийных лидеров, значительно изменили обстановку в конгрессе. По мнению политологов, их приход в политику и проведение ряда реформ внутри конгресса ослабили традиционную систему старшинства и укрепили связи конгрессменов с активно действующими группами интересов.

Один из исследователей, Л. Пай, особо подчеркивает, что понятие стиля политики относится прежде всего к деятельности лидеров, политической элиты. С этой точки зрения к стилю политики можно отнести и те различия, которые характерны для сложившихся в республиканской и демократической партиях отношений между лидерами, активистами и сторонниками этих партий. В силу особенностей электората демократическая партия более открыта для инициатив снизу, в большей мере готова к диалогу с активистами общественных организаций и движений, в ней менее централизована система принятия решений. Республиканцы более склонны к сохранению определенной дистанции между лидерами партии и ее активистами, к принятию решений в узком кругу, большое значение придают не реформам внутри партии, а изменениям в ее руководстве. Различия выражаются и в той самооценке, которая сложилась у деятелей демократической и республиканской партий. По наблюдениям американских политологов, даже одержав победу на выборах, демократы продолжают ощущать себя аутсайдерами в политике, в то время как республиканцы, и потеряв Белый дом, считают себя своими людьми в коридорах власти.

Для сложившихся норм политической культуры характерна высокая степень устойчивости. Базовые ценности политической культуры существуют веками, сохраняясь и тогда, когда общество переживает периоды длительных и глубоких потрясений. Основные нормы и ценности политической культуры, являясь составной частью общего культурного наследия народа, представляют собой одну из важнейших составляющих национальной идентичности.

Страницы истории

© 1993 г.

Из Архива Горбачева

(Беседы М.С. Горбачева с Р. Рейганом
в Рейкьявике 11–12 октября 1986 г.)

3 января 1993 г. в Москве был подписан Договор СНВ-2, согласно которому Соединенные Штаты Америки и Россия не позднее 2003 г. сократят свои арсеналы стратегических наступательных вооружений на 2/3. Тем самым будет сделан крупнейший шаг на пути к ядерному разоружению.

Уместно напомнить, что начало процессу сокращения ядерных вооружений было положено Договором о ракетах средней и меньшей дальности 1987 г. и Договором СНВ-1, подписанным в 1991 г. (но не вступившим пока в силу). А заключению этих договоров предшествовала встреча руководителей двух ядерных сверхдержав – М.С. Горбачева и Р. Рейгана в Рейкьявике в октябре 1986 г.

Проводившаяся по инициативе М.С. Горбачева, рейкьявическая встреча носила драматический характер: впервые обсуждалась возможность радикальных сокращений и ликвидации ядерных вооружений, причем стороны вплотную подошли к согласию, но не смогли договориться. Камнем преткновения стала американская программа СОИ. И все же именно эта встреча по существу положила начало прорыву к сокращению ядерных вооружений.

Редакция начинает публикацию записи бесед в Рейкьявике, любезно предоставленной "Фондом Горбачева".

Первая беседа

(первоначально наедине) – утром 11 октября 1986 г.

После обмена приветствиями Р. Рейган и М. Горбачев договариваются о порядке проведения встречи.

Рейган. Я ожидал встречу с нетерпением. В организационном плане, видимо, целесообразно часть времени посвятить беседам один на один, а часть времени – обмениваться мнениями в присутствии министров иностранных дел. Устраивает Вас такой порядок?

Горбачев. Да, с этим я согласен. Собственно говоря, мы именно это имели в виду, когда предлагали встречу.

Рейган. С каких проблем мы начнем наше обсуждение? Как мне кажется, у

нас есть целый ряд проблем, которые остались без достаточного обсуждения на нашей встрече в Женеве, а также вопросы, которые возникли с тех пор. Я имею в виду проблемы оружия промежуточной дальности, космоса и договоров по ПРО, а также предложения по стратегическим вооружениям, которые обсуждались нашими делегациями на переговорах в Женеве. Я исхожу из того, что обе наши стороны выразили стремление избавить мир от баллистических ракет и вообще ядерных ракет. Мир с нетерпением ждет от нас ответа на вопрос, возможно ли реализовать это желание.

Горбачев. Г-н Президент, я считаю, что имело бы смысл провести вначале краткий обмен мнениями о ситуации в мире, которая побудила нас обратиться к Вам с предложением о срочной встрече, а затем я изложил бы Вам конкретные соображения, с которыми мы пришли на эту нашу встречу. Думаю, что будет полезно пригласить Э.А. Шеварднадзе и Дж. Шульца на ту часть нашей беседы, когда я буду излагать конкретные предложения. Разумеется, мы будем готовы обсудить все вопросы, которые сочтет нужным поднять американская сторона.

То, что Вы сказали в отношении тематики беседы, совпадает с нашим настроением относительно того, какие вопросы целесообразно обсудить на личной встрече руководителей. Могу заверить, что нам есть что сказать по проблематике ограничения вооружений и разоружения. На наших последующих встречах, как я понял из Вашего выступления перед отлетом в Рейкьявик, мы затронем и другие вопросы — региональные, гуманитарные, двусторонние, которые являются предметом забот и вашей, и нашей сторон.

Рейган. Хочу добавить, что, по моему мнению, мы действительно должны будем поговорить о правах человека. В отличие от других вопросов, которые мы называли, эта проблематика не будет предметом официальных соглашений между нами, однако она оказывает большое влияние на то, насколько далеко мы можем пойти в сотрудничестве с Советским Союзом перед лицом нашего общественного мнения. Я уже говорил Вам в Женеве и повторю сейчас, что права человека, в частности, вопросы выезда из Советского Союза, постоянно фигурируют в обращениях ко мне. И если нам не удастся решить эти проблемы удовлетворительным образом, то это скажется и на других вопросах в том смысле, что общественность не даст американскому правительству кредита на осуществление возможных договоренностей, если мы не убедим советскую сторону пойти на смягчение позиции по правам человека.

Горбачев. О правах человека мы еще поговорим. Но сейчас хотел бы в принципиальной форме высказать наше общее впечатление о том, что произошло в мире после встречи в Женеве, какие проблемы являются предметом озабоченности Советского Союза и США. Полезно сопоставить наши оценки на этот счет, а затем перейти к конкретным проблемам контроля над вооружением и разоружения, включая стратегические вооружения, ракеты средней дальности, Договор по ПРО, прекращение ядерных испытаний. По этим вопросам я выскажусь конкретно, как мы условились, в присутствии Э.А. Шеварднадзе и Дж. Шульца.

Рейган. Да, я согласен с Вашим подходом. Я поднял тематику прав человека только для того, чтобы напомнить Вам те объяснения, которые давал по этой теме в Женеве: Мы не хотим вмешиваться во внутренние функции Вашего правительства. Но мы считаем важным, чтобы Вы знали силу общественного мнения США. Мы — нация иммигрантов. Один из восьми американцев связан какими-либо родственными узами с вашей страной и в вашем народом. Только вчера мне написал письмо один из сенаторов, мать которого является русской. Я понимаю силу национальной духовной связи, поскольку я сам как ирландец чувствую эти узы на себе, в данном случае, с Ирландией. Поэтому я вижу, что всех американцев волнует то, что происходит в той стране, которая связана с ними этими узами. И нам будет легче заключать соглашения по различным вопросам в условиях, когда наше общественное мнение не возбуждено и не

разгневано какими-либо событиями в стране их культурного наследия. Но я согласен, что эти проблемы отступают на второй план по своему значению перед проблемами ядерных вооружений. Они имеют всемирную важность, и весь мир ждет от нас их решения.

Горбачев. Г-н Президент, в духе согласованного между нами подхода к тому, как организовать нашу встречу, я хотел бы довести до Вас оценки советским руководством и мною лично значения встречи в Рейкьявике в связи с ситуацией в мире и состоянием советско-американских отношений. В эти дни о нашей встрече много говорят во всем мире, высказывают самые различные, даже противоположные по характеру суждения. Но сейчас, когда мы сидим за этим столом и наша встреча началась, я еще больше укрепляюсь в своем убеждении в том, что решение о ее проведении было ответственным шагом с обеих сторон. Прежде всего, наш прямой разговор означает, что советско-американский диалог продолжается. Хотя он идет трудно, не так, как хотелось бы нам, нашим народам, всему миру, но он продолжается. И это одно уже оправдывает приезд в Рейкьявик. Некоторые — и их немало — считают, что с рейкьявической встречей связаны какие-то личные амбиции участников. Я с этим категорически не согласен, отвергаю это. Встреча — это свидетельство нашей с Вами ответственности перед народами наших стран, всего мира. Ведь, действительно, многое в мире зависит от наших двух стран, какими будут отношения между ними и их руководителями.

Рейган. Я уже говорил Вам, что считаю нашу с Вами ситуацию уникальной. Вот мы сидим вдвоем в комнате и можем решить вопрос о том, быть ли миру или войне в мире. Мы оба хотим мира, но как добиться его, как укрепить доверие и уменьшить взаимную подозрительность между нашими двумя народами!

Горбачев. Это была моя вторая мысль, и я хотел бы развить ее, поддерживая в принципе сказанное Вами. После Женевы мы привели в движение сложный и обширный механизм советско-американского диалога. За это время механизм нашего диалога не раз давал сбой, немало мы понаставили слянков и шишек, но в целом он движется, движение набирает силу. Это — положительный результат. Однако по главным вопросам, которые беспокоят обе стороны, — как отвести ядерную угрозу, как использовать полезный импульс Женевы, как выйти на конкретные договоренности, — движения нет, и это весьма нас беспокоит. По этим проблемам сказано много слов, они детально обсуждались и обсуждаются на переговорах по ЯКВ*. Однако на этих переговорах наблюдается почти что тупик. Как можно дать иную оценку, когда на этих переговорах в воздухе плавают 50—100 вариантов и не просматривается одного-двух, которые реально обеспечивали бы прогресс переговоров. Поэтому мы и пришли к выводу о том, что нужна срочная встреча с Вами, чтобы дать мощный импульс этому процессу, позволить нам выйти на договоренности, которые могли бы быть заключены во время нашей следующей встречи в США.

Рейган. Я думаю точно так же. Как мне разъясняли, на столе переговоров в Женеве имеется целый ряд предложений. Было предложение о сокращении ядерных ракет на 50% до лимита 4 500 боеголовок. Для вас это оказалось слишком низким порогом, и вы предложили параметры 6 400—6 800 боеголовок. Для нас эта цифра слишком велика, поскольку позволяет угрожать разрушением всему миру. Мы предложили промежуточное решение, среднюю цифру между этими двумя показателями, то есть 5 500 боезарядов, имея в виду, что нашей целью остается полное устранение стратегических ядерных ракет.

Горбачев. Я хотел бы в ясной форме довести до Вас и до правительства США

* Речь идет о советско-американских переговорах в Женеве по ядерно-космическим вооружениям. (Прим. редакции).

мысль о том, что мы хотим таких решений проблемы ограничения вооружений и таким образом подходим к своим предложениям, которые я сегодня внесу, чтобы сокращение ядерного оружия учитывало в равной мере интересы США и Советского Союза. Если бы мы учитывали в наших предложениях только свои интересы и тем более давали бы повод заподозрить, что мы ищем обходные пути к достижению военного превосходства, то это не стимулировало бы американскую сторону на поиск договоренностей, не могло бы быть основой договоренностей. Поэтому я хотел бы четко, твердо и ясно заявить: мы — за такое решение проблемы, которое давало бы в конечном итоге полную ликвидацию ядерного оружия и обеспечивало бы на всех этапах движения к этой цели равенство и равную безопасность США и Советского Союза. Иной подход был бы непонятен, нереален и недопустим. Хотелось бы, чтобы США действовали так же.

Рейган. У нас точно такие же чувства. Трудным вопросом здесь является проверка и контроль за выполнением взятых на себя обязательств по сокращению вооружений. На этот счет есть русская поговорка: доверяй, но проверяй. На наших предшествующих переговорах мы высказывали оптимизм в отношении сокращения ядерных ракет промежуточной дальности в Европе. Я имею в виду полную ликвидацию этого класса оружия. Участники переговоров называют ряд других вопросов, где возможен прогресс, в частности, стратегические вооружения. Но во всех этих вопросах необходима проверка, контроль за выполнением согласованных обязательств. Если нам удастся добиться этого, то весь мир будет приветствовать такой исход.

Горбачев. Я здесь возражать не буду. У нас ясная позиция в пользу эффективного контроля за выполнением соглашений о разоружении. Сейчас, когда мы вроде бы пришли к той стадии, когда может начаться процесс выработки конкретных соглашений, для нас весьма важно обеспечить эффективный и надежный контроль в рамках такой договоренности. Если этого не будет, то не думаю, что нам удастся обеспечить спокойствие и мирную ситуацию для наших народов. Мы готовы совместно с Вами идти настолько далеко в вопросах контроля, насколько это будет обеспечивать нам уверенность в выполнении обязательств по соглашениям. Конкретнее я готов высказаться позднее, когда мы пригласим наших министров. А сейчас я хотел бы сказать несколько слов относительно будущей встречи в США. Мы рассматриваем Рейкьявик как этап на пути к этой встрече.

Рейган. Нашу встречу назвали "базовым лагерем" на пути к Вашингтону.

Горбачев. Да, и добавляли, что на полпути. Ведь Рейкьявик находится почти точно посередине между Москвой и Вашингтоном.

Рейган. Когда я давал согласие на Ваше предложение о встрече, я не мерил географические расстояния. Просто мне казалось, что Лондон — не совсем подходящее место для встречи того формата и характера, как Вы предложили. Это слишком большой город, там слишком много отвлекает, а здесь мы можем спокойно все обсудить. Кстати, сможем ли мы поговорить о дате Вашего визита в Вашингтон? Сделаете ли Вы свои предложения или мне назвать какую-либо дату?

Горбачев. Я завершу свою мысль. Я уже говорил публично и указывал в переписке с Вами, что обе наши стороны должны быть заинтересованы в результативности моего визита в США. Мы согласны, что эта встреча должна привести к осязательным достижениям по кардинально важным проблемам ограничения гонки вооружений, которые волнуют американцев, советских людей, другие народы. Мы с Вами не можем допустить, чтобы предстоящая встреча в этом смысле провалилась. Это было бы очень серьезным ударом. Люди начали бы спрашивать, что же это за политики, которые встречаются между собой, произносят много слов, беседуют часами, провели одну, другую, третью встречу, а ни до чего не могут договориться. Это был бы скандальный

исход, с трудно предсказуемыми последствиями, он вызвал бы разочарование во всем мире. Встреча в Рейкьявике, мы убеждены, должна создать предпосылки для того, чтобы во время визита в США мы могли выработать и подписать договоренности по проблемам ограничения вооружений. Это придало бы ей весомый результат. Но для этого нам сегодня и завтра нужно сопоставить точки зрения по этим проблемам, наметить пути их решения, согласовать поручения нашим министрам иностранных дел и другим представителям, определить объем работы и уже с учетом всего этого найти, когда целесообразнее всего провести мой визит в США.

Рейган. Еще одна проблема, о которой я не упоминал. Если мы придем к соглашению относительно числа стратегических ракет, то нам нужно будет одновременно договориться об их максимальном забрасываемом весе. Ведь вряд ли имело бы смысл устанавливать какой-то предел числа ракет и открывать возможность сторонам иметь в рамках этого предела одни только тяжелые ракеты. Это не уменьшило бы разрушительную силу ядерных ракет, и на это мы не согласны. Мы должны в рамках промежуточного решения договориться и о забрасываемом весе, разумеется, имея в виду конечную цель полной ликвидации ядерного оружия.

Горбачев. Я отвечу Вам и на этот вопрос. А сейчас, если не возражаете, мы пригласим г-на Шульца и Э.А. Шеварднадзе.

Далее беседа была продолжена в присутствии министра иностранных дел СССР и государственного секретаря США

Рейган вкратце информирует обоих министров о содержании состоявшегося разговора и передает слово М.С. Горбачеву.

Горбачев. Приступаю к изложению наших предложений.

Наши стороны согласны с тем, что принципиальным вопросом международной политики двух стран является признание в качестве обоюдной цели полной ликвидации ядерного оружия. Это логически связано с нашей договоренностью в Женеве о том, что ядерная война недопустима, невозможна.

Как мы представляем себе движение к этой цели? Наш подход изложен в моем заявлении от 15 января 1986 г. С вашей стороны также делались соответствующие официальные заявления. Я хочу подтвердить нашу точку зрения о том, что двигаться к этой цели следует по этапам, обеспечивая на каждом этапе равную безопасность для обеих сторон. Мы ожидаем, что США будут действовать таким же образом. Такой подход опять-таки органически связан с нашей договоренностью в Женеве о том, что ни одна из сторон не должна добиваться военного превосходства над другой.

Изложу предложения по стратегическим наступательным вооружениям. И мы, и США выдвигали предложения о 50-процентном сокращении СНВ. Об этом же мы говорили на встрече в Женеве. Однако с тех пор на столе переговоров гуляло много вариантов. Хочу сейчас подтвердить, что советское руководство заинтересовано именно в глубоких, 50-процентных сокращениях СНВ — и не меньше. Прошедший после Женевы год убедил нас в том, что мир ждет от СССР и США не просто незначительных, а именно глубоких сокращений СНВ. Мы предлагаем сейчас в отличие от нашего прежнего предложения о 50-процентном сокращении вооружений, достигающих территории друг друга, договариваться о сокращении только СНВ. Мы оставляем в стороне ракеты средней дальности и средства передового базирования США. Здесь мы учитываем точку зрения США, делаем им большую уступку. Поскольку стратегические вооружения составляют основу ядерных арсеналов обеих сторон, мы считаем, что их сокращение должно проводиться при постоянном сохранении равенства,

паритета. Мы исходим из того, что и СССР, и США согласятся с тем, что сокращения должны учитывать исторически сложившиеся особенности структуры ядерных сил у каждой из сторон.

При 50-процентных сокращениях мы готовы принять во внимание озабоченности США по тяжелым ракетам и имеем в виду значительно сократить и этот вид нашего оружия. Подчеркиваю – значительно, а не косметически. Но мы ожидаем и от США проявления аналогичного внимания к озабоченностям СССР. Проиллюстрирую это таким примером. У США имеется 6 500 ядерных боеголовок на подводных лодках, разбросанных по всему миру, которые представляют собой большую проблему в плане проверки и контроля. Из них 800 боеголовок с РГЧ (разделяющимися головными частями). Мы знаем также точность американских ракет как наземного, так и подводного базирования. Мы надеемся, что США пойдут здесь навстречу Советскому Союзу.

Ракеты средней дальности. О них много говорили мы с Вами, о них много говорят во всей мире, делают различные прогнозы. Советское руководство еще раз проанализировало эту проблему со всех сторон. Мы учли обстановку в Западной Европе, мнения правительств и общественности этих стран и решили, что к этой проблеме нужно подходить с самых широких позиций, естественно, учитывая и наши интересы, и интересы наших союзников, и интересы США. Мы предлагаем, исходя из этого, полную ликвидацию ракет СССР и США этого класса в Европе. Мы идем на большую уступку – снимаем вопрос о ядерных силах Англии и Франции. Думаю, Вы понимаете, какой большой новый шаг мы сейчас делаем: ведь ядерные потенциалы этих стран продолжают расти количественно и качественно. Но мы готовы искать компромиссной развязки и даже идем ради этого на немалый риск. Хотелось бы, чтобы и США, действуя в духе компромисса, пошли на уступку нам и с учетом сделанной нами крупной уступки сняли вопрос о советских РСД в Азии или, по крайней мере, согласились приступить к переговорам о ядерных вооружениях – советских и американских – в Азии.

В рамках этой проблемы мы готовы решать вопрос и о ракетах с дальностью менее 1000 км. Мы готовы заморозить их количество и начать переговоры по этим ракетам.

Вот так выглядят наши предложения по ядерным вооружениям. Хотелось бы, чтобы американское руководство должным образом оценило наш широкий компромиссный подход.

Третий вопрос – это проблемы ПРО и запрещения ядерных испытаний. Думаю, что для нас с Вами уверенность в сохранении бессрочного Договора по ПРО, четко обозначенный срок неиспользования права выхода из договора имели бы целью укрепить режим Договора по ПРО в качестве фундамента, на котором можно было бы решать проблемы ядерного разоружения в целом. Здесь мы предлагаем договориться на компромиссной основе. Мы принимаем американский подход, предусматривающий основной срок неиспользования права выхода из договора и срок проведения переговоров, и предлагаем определить совместный срок полного и строгого соблюдения всех положений Договора по ПРО. Здесь важно обеспечить взаимопонимание о том, что при этом разрешались бы разработки и испытания в области СОИ в пределах лабораторий при запрете внелабораторных испытаний средств, предназначенных для поражения из космоса объектов в космосе и на земле. Разумеется, это не влекло бы запрета на испытания, разрешенные по Договору по ПРО, то есть стационарных наземных систем и их компонентов.

В отношении срока неиспользования права выхода из договора с обеих сторон назывались разные цифры. Мы предлагаем в качестве компромиссного варианта достаточно продолжительный срок – 10 лет и не менее, а потом у нас было бы, скажем, 3–5 лет, чтобы решить, как поступать дальше по этой проблеме.

Еще один аспект. Из признанной обеими сторонами необходимости сохранить Договор по ПРО логически вытекает и потребность запретить противоспутниковые средства. Ведь для вас и для нас ясно, что если бы этого не было сделано, то в ходе создания противоспутниковых средств можно было бы отработать и противоракетное оружие. Поэтому разумно достичь взаимоприемлемых договоренностей по запрету противоспутниковых средств, перекрыть этот канал.

По проблеме ядерных испытаний. Мы долго и всесторонне обдумывали этот вопрос. Может быть, в какой-то мере понятно, что пока стороны не шли на крупные меры по сокращению стратегического потенциала, своего ядерного оружия, то у какой-либо из сторон могли оставаться сомнения в целесообразности полного прекращения ядерных испытаний. Однако сейчас в контексте сделанных мною предложений такие сомнения должны отпасть. Поэтому целесообразно договориться о полном и окончательном запрете ядерных испытаний. По этому вопросу у нас, как известно, шли переговоры. Мы предлагаем возобновить их на двусторонней или трехсторонней (с участием Великобритании) основе. Разумеется, пока будут идти переговоры, стороны могут действовать по своему усмотрению. Но в ходе переговоров, как мы себе представляем, могли бы быть рассмотрены вопросы о контроле, о снижении порогов мощности взрывов, об уменьшении их количества, о договорах 1974 и 1976 гг. Начало переговоров о полном и всеобщем запрещении ядерных испытаний создало бы хорошие предпосылки для быстрой разработки соглашения по стратегическому оружию.

Таков, г-н Президент, пакет наших предложений по всем основным аспектам сокращения ядерных вооружений. Я предлагаю, чтобы мы с Вами здесь в Рейкьявике дали директивы соответствующим ведомствам – министерствам иностранных дел и другим – разработать совместно проекты соглашений, которые мы с Вами могли бы согласовать и подписать во время моего визита в Вашингтон.

В этом контексте хочу еще раз подчеркнуть, что Советский Союз заинтересован в эффективном и надежном контроле за мерами по разоружению и готов осуществлять его любыми средствами, когда потребуется, и путем инспекций на местах. Мы ждем такого же подхода и от Соединенных Штатов.

Я говорил сейчас об очень серьезных вещах и с тем, чтобы избежать каких-либо двусмысленностей, хочу передать Вам в переводе на английский язык примерный текст того, что я сейчас говорил.

Рейган. То, что Вы сейчас изложили, нас обнадеживает. Конечно, я уловил и некоторые расхождения в наших позициях в том, что касается стратегических и промежуточных ракет. Например, в нашей позиции достижение нуля по промежуточным ракетам в Европе требует сокращения и советских ракет в Азии, которые могут быть нацелены на Европу в условиях, когда у США больше не останется там средства сдерживания. Такая ситуация для нас не подходит. Мы предлагаем сокращение советских ракет в Азии или же вместо нуля – сокращение советских и американских ракет в Европе до 100 единиц, чтобы у США оставалось средство сдерживания. По стратегическим вооружениям мы хотим добиваться сокращения до нуля этого класса вооружений. И здесь я хотел бы провести линию к Договору по ПРО. Как я уже говорил в Женеве, СОИ мыслилась нами как идея, имеющая значение только в условиях ликвидации стратегического оружия. Поэтому мы предлагаем Вам одновременно с сокращением количества этих вооружений подписать договор, который заменял бы Договор по ПРО. В этом договоре предусматривалось бы, что обе стороны вели бы исследования в сфере оборонительных вооружений в рамках лабораторных исследований, разрешенных Договором по ПРО. Однако, когда какая-либо из сторон подошла бы к пределу, выходящему за рамки ПРО, то испытания могли бы проводиться в присутствии другой стороны. Если, скажем, мы подошли бы первыми к этой грани, то мы пригласили бы вас наблюдать за испытаниями

таких систем. И если бы испытания выявили возможность в практическую целесообразность создания запитной системы, то этот договор обязывал бы нас поделиться такой системой с другой стороной. Взамен стороны обязались бы полностью ликвидировать стратегические вооружения и в течение 2-3 лет договорились бы в ходе переговоров о такой системе взаимного пользования такими системами. Причина такого подхода состоит в том, что у каждой из сторон останется возможность производства наступательного оружия: ведь раньше мы его имели, и нужна гарантия в том, что никто не создаст его вновь, будь то каждая из наших двух сторон или маньяк вроде Гитлера, который захочет создать наступательное оружие. От этого нам будет нужна защита. И мы предлагаем защититься раз и навсегда от возрождения стратегического оружия в мире и на этой основе строить свое будущее на многие годы.

Горбачев. Отреагирую кратко на Ваши замечания. Во-первых, мы рассматриваем Ваши высказывания как предварительные. Только что я выдвинул совершенно новые предложения, они не обсуждались еще ни на каких переговорах. Поэтому прошу уделить им должное внимание и высказать свою реакцию позже. Во-вторых, то, что Вы сказали, находится на том же уровне, в той же плоскости, что говорят американские участники переговоров в Женеве. Мы ценим усилия экспертов по детальной отработке вопросов, но они не продвинули дело вперед, нужен новый вклад, новый импульс. Мы хотим создать его нашими предложениями. А как поступает американская сторона? Мы предлагаем принять американский "ноль" в Европе и сесть за стол переговоров по Азии в рамках проблемы РСД, а Вы отступите от Вашей прежней позиции. Нам это непонятно. В отношении ПРО. Мы предлагаем сохранить и упрочить это фундаментально важное соглашение, а Вы предлагаете отказаться от него и разрушить механизм, создающий основу стратегической стабильности. Нам это непонятно. По СОИ. Можете не беспокоиться. Мы разобрались в этом вопросе, и если США создадут трехслойную систему ПРО, то ответ мы найдем. Нас заботит не это, а то, что СОИ означала бы перенос гонки вооружений в новую среду, позвездение ее на новый этап, создание новых видов оружия, дестабилизирующий стратегическую ситуацию в мире. Если такова цель США, то тогда их позицию еще можно понять. Но если они хотят более прочной безопасности для своего народа, для всего мира, то тогда их позиция противоречит этой цели и прямо опасна.

Завершая реакцию на Ваше замечание, хотел бы выразить надежду, что Вы, г-н Президент, внимательно рассмотрите наши предложения и дадите ответ, пункт за пунктом, с чем Вы согласны, с чем не согласны и что Вас беспокоит.

Рейган. Мы продолжим обсуждение этих вопросов во второй половине дня. Сейчас сделаю только одно замечание. Если бы мы предложили исследования в области стратегических оборонительных систем в условиях, когда бы мы отказывались от сокращения наступательных вооружений, то нас могли бы обвинить в том, что мы создаем прикрытые для первого удара. Но наша позиция не такая. Мы предлагаем отказаться от наступательных стратегических систем. Предложенный мной договор запрещал бы нам развертывать стратегическую оборонительную систему до того, как мы сократим наступательные вооружения. Эта система была бы нашей с вами защитой на случай непредвиденных ситуаций, своего рода противовоздух. Ведь когда после первой мировой войны было запрещено применение химического оружия, мы же не отказались от противовоздух. Они были гарантией нашей защиты от такого оружия на случай, если его кто-либо решит применять. А способы создания такого оружия известны. Точно так же и с наступательным стратегическим оружием. Нам здесь нужен противовоздух. Но подробнее мы можем обсудить это на следующей встрече.

Горбачев. Хорошо. Продолжим обсуждение в том же составе.

Старое в новом понятии

© 1993 г.

И. ПРОХОРЕНКО

Традиции и внешняя политика: опыт постановки проблемы (На примере современной Испании)

В глазах многих Испании предстает страной, в жизни которой огромную роль играют традиции: в этом смысле с Испанией, чье богатое событиями прошлое уходит в глубь веков, в сегодняшней Европе может сравниться, пожалуй, лишь Россия. По бытующему издавна мнению, путешественник, пересекающий Европу с Запада на Восток, начинает и заканчивает свое странствование изумленным созерцанием двух вечных тайн, двух сфинксов – иберийского и славянского.

Вполне понятно, что тезис "Испания – совсем другая" ("España es diferente"), образ загадочной страны с исконными традициями стал удачной рекламной формулировкой испанского туризма, – одной из прибыльных, начиная с 60-х годов, отраслей экономики страны. Однако, безусловно, этим далеко не исчерпывается содержание испанского традиционализма, особенно в том, что касается взаимоотношений страны с остальным миром.

ПОНЯТИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Но что же такое традиция? Сейчас это понятие используют очень широко, его часто можно встретить в специальной литературе и публицистике, прочно вошло оно и в современный политический лексикон. Тем не менее проблема традиции вообще, ее места и роли в массовом общественном сознании или, как иногда говорят, в исторической памяти народа до сих пор остается недостаточно разработанной. Отсутствие четкой общепризнанной дефиниции указанного понятия дает простор для разнообразных и порой противоречивых его толкований, создаст опасность превращения понятия "традиция" в расхожую категорию, применяемую всегда, когда не хватает конкретных и точных определений, и, естественно, приводит к тому, что это слово склоняют на все лады.

ПРОХОРЕНКО Ирина Львовна, кандидат политологических наук, младший научный сотрудник ИМЭМО РАН.